

Фёдор Гиренок. ЗАМЕТКИ ПОСТОРОННЕГО

ГЛУПОСТЬ

Что такое глупость? Глупость — это такое состояние, когда ты настолько открыт миру, что в тебя проникают его истины, не спрашивая твоего согласия. Когда я вижу открытые людей, мне хочется сказать им: "Застегнитесь, будьте умными". У открытых людей есть голова, а в голове есть мысли, но существуют эти мысли не по законам этой головы, а по законам какой-то другой инстанции.

Вот это все и значит, что ты глупый, что ты дурак, а они умные, они не дураки. И не потому, что они мыслят, а потому, что мысль — это все то, что они публикуют в качестве мысли. Они говорят, что нам нужна модернизация. Нам-то, конечно, она нужна, потому что нам за державу обидно. Но им-то она зачем? У них есть все: деньги, власть, время. Между нами и ними — пропасть, цивилизационный разрыв. Если мы нарушаем правила социального общежития, то нас сажают в тюрьму, если они, то они неприкосновенны, они — власть. Поэтому мы ждем, когда закончатся их власть.

Они говорят, а мы им не верим, ибо для них модернизировать — значит освоить деньги, выделенные на модернизацию, а для нас модернизация — это возможность быть самими собой. Хотя мы знаем, что если ты идешь к самому себе, то у тебя есть опасность встретить себя.

СТАЛИН КАК ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ЖЕСТ

Сталинистами не рождаются. Сталинистами становятся. Вот Я. Я не поклонник Сталина. Но если дело пойдет так, как оно идет, то я стану сталинистом. Конечно, я это буду скрывать, не показывать вида, лицемерить. Но где-то в затылочном сознании у меня будет запрятана мысль о том, что вообще-то пора ему появиться. Не надолго, на полгода. На месяц. Чтобы успеть навести порядок в умах и делах. Чтобы призвать к ответу. Кого? Меня, так меня. Соседа, так соседа. За что? За измену. За линию Бейкера — Шеварднадзе, за Крым, за южную Сибирь, за Новороссийские губернии Малороссии. За Россию, которая потеряла моря и не имеет выхода.

Не ужасно ли думать, что русские люди строили государство, создавали свои церкви, вели войны, возводили ДнепроГЭС и Магнитку, запускали космические аппараты для того только, чтобы какой-нибудь пучеглазый демократ обучал своего ребенка в Сорбонне, чтобы мелкий лавочник раскатывал на мерседесе, чтобы чиновник купал свое тело в джакузи. Для того ли сотни лет русские люди терпели нужду и проливали кровь, чтобы жирел чиновник на даче крепости, чтобы носила жемчуга торговка.

"Сталин" — это жест отчаяния. Последняя надежда найти управу на глупцов. Сталин — душегуб. И Ельцин — душегуб. Но душегубство последнего мелочное. Пошлое. Оно нарушает законы не из великой страсти, а из лавочной хитрости, грязного порока. Пьянства. У Сталина были дела, под которыми струилась кровь русского народа. В наши времена есть только кровь. И нет никаких дел. Есть наркотики и нет мечты.

Сталин — это эстетический жест восстания против мерзости, которая подняла голову в твоей душе. Против того, чтобы ты брал взятки. Хотя для этого есть все основания. Против диктатуры денег, которые стали последней целью.

К Сталину взывают от бессилия и бессмыслицы, от ужаса перед всеобщей продажностью. Каждый из нас должен ответить за то, что последние десять лет мы не строили ракеты, не бурили скважины, не строили заводы, не писали книги. За то, что мы только пили и крали, крали и пили. И ходили на презентации.

Сталин должен прийти, чтобы ужас появился на блудливом лице лавочника. Прийти и уйти. Но ведь он не уйдет. Вот в чем проблема.

О ЦЕЛЯХ ОППОЗИЦИИ. ЗАМЕТКИ ПОСТОРОННЕГО.

Оппозиция разнородна. В ней есть белые и красные. Левые и правые. А еще есть такие, как я. И не бело-красные, и не лево-правые. Мы дословные, т.е. нам хотелось бы раскрыть то, что сказано о России Богом в вечности.

Наши противники ясно различимы. Это правящий класс и его лидер — Путин. В правящий класс входит политический инкубатор Ельцина, экономические жулики и идеологические бандиты. Этот класс рожден криминальной революцией 1991—2001 годов и государственным переворотом 1993 года. Путин это знает. Его задача — легализовать результаты преступных действий в экономике и политике. Его роль произносить правильные, но пустые слова. Обязанность пар-

тии "Единая Россия" поддерживать его пустословие и выдавать ее за социальную стабильность.

Поскольку в конституции закреплены результаты криминальной революции, постольку она подлежит пересмотру. Нельзя конституционно закреплять разрушение исторического тела России. Подлежит пересмотру принцип федерализма, а также территориального деления России. Должна быть несомненной подотчетность низших органов исполнительной власти — высшей. Губернаторы назначаются. Местные парламенты избираются.

Федор Иванович Гиренок — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии МГУ. Родился на Алтае. Окончил философский факультет и аспирантуру МГУ.

Русский народ разделен. А если у одного народа появляется несколько государств, то такой народ становится народом-калейкой. Оппозиция должна ясно заявить о том, что она по-прежнему считает великорусский народ, малорусский и белорусский одним народом. Один народ — одно государство. Одна душа.

Наши противники используют слово "россиянин" для того, чтобы скрыть факт разделенности русского народа. Большой и малый народ равны юридически, но не исторически. Подмену "россиянством" русскости оппозиция обязана воспринимать как оскорбление русского народа. Патриоты обращаются к русским и всем россиянам, чтобы пробудить чувство имперского сознания.

Россия не нация, а империя, цивилизация. Пробуждать нужно не национальное сознание русских и россиян, а имперское сознание. Россия — православная цивилизация. Церковь отделена от государства, но ее нельзя отделить от души русского народа. Школа отделена от церкви, но ее нельзя отделить от обязанности изучения основ русской культуры, основ православия. Можно жить в православной России и иметь свою веру, свои культурные особенности. Но нельзя жить в России и не изучать основы русской православной культуры.

Советское образование является одним из лучших в мире. Его надо не ломать под предлогом борьбы с коррупцией, а обновлять.

Демократы демобилизовали экономику, и капиталы пошли на Запад. Оппозиция мобилизует экономику, вернет в доход государства природную ренту, прибыли Центрального банка.

Демократы, либералы и олигархи 10 лет разрушали страну. Патриоты ее восстанавливают за 10 лет.

Речи страдают заученной правильностью формулировок. Каким-то народолобием. Пора отказаться от любви к народу. Народ не мыслит. И много ошибается. Если бы он мыслил и не ошибался, то не было бы у нас ни 17-го года, ни 93-го. Государство у русских — это не ночной сторож. Государство ведет народ, а путь ему подсказывает Православная Церковь.

Никто не против гармонического сочетания социальной справедливости с динамическим развитием экономики. Даже прыщавый демократ хочет жить, как в Швеции. Или в Финляндии. Но Россия не Швеция. И гармония у нее требует особой справедливости. Какой? А об этом ничего оппозицией не сказано. Любому русскому человеку, а также россиянину милы социальные права, забота государства о человеке. Значит, социальные права нужно сочетать с личными правами. Так, чтобы права личности не ущемляли социальные права человека. Не ущемляли интересы целого. Следовательно, оппозиция под гармонией понижает социальный эллипс, в котором есть два центра: интересы целого и интересы личности. А это значит, что права личности не выше прав целого. Если они будут выше, если

центр будет один, то не будет ни гарантированного образования, ни бесплатного здравоохранения, ни права на жилище.

Все политики говорят, что хотят преодолеть нынешний кризис и повысить уровень жизни людей и т. д. Значит, все дело упирается в средства. Каким образом это сделать. У оппозиции есть "фишка" на этот счет. Она должна быть выделена и многократно повторена. Это либо национализация нефти, газа и прочих природных ресурсов, либо изъятие природной ренты. Это понятно. И это есть не у всех. Напротив, патентованные либералы завопят о том, что мы хотим гражданской войны, что мы противники стабильности, что мы — шариковые и нам только все отнять и поделить. Мы не шариковые. Мы против социального мира между грабителем и ограбленным. Мы за войну коррупции и беззакония. Оппозиция не будет политкорректными фразами украшать физиономию экономических и политических бандитов.

Рыба ищет, где глубже, а капиталы — где лучше. Деньги легко ускользают от каждого. Они сами выбирают себе путь. Пока что этот путь ведет из России на Запад. Но люди могут иногда менять рула рек, могут заставлять работать на себя. Мы, патриоты, хотим заставить работать капиталы на нас. Для этого их надо мобилизовать. Сами они не мобилизуются. Поэтому подъем экономики возможен в результате мобилизации внутренних ресурсов России. Конечно, нас будут обвинять в неразумных методах ведения хозяйства, в том, что мы хотим применять методы военного времени. Для нас рынок не цель, а средство. Живем мы сегодня в чрезвычайной ситуации. А в чрезвычайных ситуациях и меры должны быть чрезвычайными.

Свобода слова дороже политической корректности. Истина некорректна. Закон об ответственности за разжигание национальной, религиозной и социальной вражды должен быть отменен. Это заглушка для свободной мысли. Тромб.

Отношение оппозиции к терроризму. Пока ФСБ ловило террористов и поймало писателя Лимонова, настоящие террористы захватили "Норд-Ост". Пора разделения специальных спецслужб закончилась. Настало время их объединять. Минутку нужно следить не за соблюдением политкорректности, а за соблюдением свободы слова. Свобода важнее политической корректности закона об ответственности за разжигание национальной, социальной и религиозной розни. Этот закон требует от истины лояльности. Всякая же истина некорректна. Закон должен быть отменен.

Резюме.

За годы реформ мы собственными руками растерзали наше государство и наш народ на самоопределяющиеся территории, нации, псевдогосударства. Но народ еще не сказал своего слова. За него пока говорят другие: политики и журналисты. Народ молчит, ждет и думает. Но пока он думает, СМИ переворачивают его мысли и будят в нем зверя. Многие уже сошли с ума, полагая, что нет больше правды, а есть только интерес. В народе расстроили дух злобы, корысти и отчаяния.

Пока народ молчит и пьет, кошмар растет и ширится. Наша оппозиция должна прямо сказать, что ей безразлично, веришь ли ты в социализм, или в капитализм, но ей важно, чтобы ты чтит великое прошлое России и чаял его великого будущего, чтобы для тебя были святынями: благочестие Сергия Радонежского, героизм Суворова и Жукова, поэзия Пушкина и проза Платонова, музыка Свиридова и Мусоргского, философия Данилевского и Розанова.

РОССИЯ КАК ПОЛЕ МИСТЕРИАЛЬНЫХ ИГР БОГА

"Мистерральные игры Бога" — это, если верить одной моей знакомой, тайный смысл слова Россия.

Русские — это русская идея, т.е. то, чего никогда не было и чего никогда не будет, и поэтому мы возможны как метафизическая конструкция, как спекулятивный объект, на котором записываются наши несбыточные желания. Мы их одной рукой пишем, а другой отсрочиваем, и много узоров нарисовали мы на объекте, но нет на нем одного — национального. Мы не нация, по-

тому что, если бы мы были нацией, то мы бы не были идеей, а мы — идея, и поэтому нет следов нашего эмпирического существования. Для нас Россия — это то же, что для Германии — культура или для Франции — цивилизация. Русский мыслит и чувствует не национально, а территориально, или, что то же самое, телесно, т.е. державно. Вот когда мы так мыслим и чувствуем, мы — русские, и есть что-то, что мы не можем не знать, но не сознанием, а телом, вернее, сутью тела, нутром. А кто ты там национально — это дело десятое.

Ты русский, т.е. ты здесь, в Расторгуево, чувствуешь, что тебе никак нельзя без Босфора, что без него тебе сапоги ноги жмут, ходить неудобно, дышать трудно. Или какие-то там острова Курильской гряды. Ведь эти острова — это не острова, а ворот коворотки. Без них ворот тугой, он тебе на горло давит. Вот если он тебе мешает, ты русский, а если у России ногу отняли, а у тебя пальцы не болят, то ты русскоязычный. И сколько бы ты потом ни вчитывался в письмена русской идеи, расшифровать их будет трудно, потому что это — письмена не твоей души. Вот, например, Иван Киреевский. Приехал он в Германию и видит, что все здесь хорошо. И Гегель ему руку жмет, и Шлейермахер ему улыбается.

А он капризничает и немцев дураками называет. И все ему не так, и ничто ему не мило. Киреевский был молод, а значит, глуп, вернее, непосредственного и того, что внутри. А внутри у нее пусто, потому что, если бы она была не пустой, то она была бы глупой, т.е. у нее не было бы рациональности. А за рациональность, за оформленные внешнего, вернее, за мир явлений, нужно платить. Чем? Дуальностью, т.е. расколом мира на две половины, на субъект и на объект. Ну да ладно, мир раскололи. Но человека-то зачем делить? Вот и разошлись Иван Киреевский на немцев и дубинами их назвал, а сам затем двенадцать лет у себя в деревне сидел и молчал, а потом теорию целостного человека сочинил.

Иначе говоря, если человек что-то знает, то не умом, а всем тем, что он есть, собой целым, поэтому истина — не дело логики, она живая, к ней ближе святая, чем ученый.

Вот все говорят: "гражданское общество", "гражданское общество", а для того, чтобы оно появилось, нужно было города огораживать, изгороди ставить, а мы не ставили, и у нас сгущения масс не происходило, т.е. у всех во всеобщей толкотне и сумятице что-то толковало, какая-то мысль держалась, а у нас не держалась. От наших городов толка не было, они ветрами продувались, в них потолковать не с кем было. Например, захотел как-то А. Хомяков по душам поговорить, а не с кем. Он и поехал к Шеллингу душу отвести. Нам душевную беседу провести не с кем. А мы хотим гражданское общество строить.

Вот и Белинский хотел, а Константин Аксаков не хотел. И они поссорились, потому что Аксаков фраз не любил. Он сапоги носил и коворотку — в одежде закодировал свое непонимание того, чем же гражданское общество лучше общинного. В общине — народ, в обществе — массы, т.е. община уберегала нас от того, что производит массу, кочевую орду, неопределенных личностей. В обществе господствует другой, в нем власть другого и поэтому в нем преобладает внешнее. А в общине — ты сам, т.е. своей субъективностью стираешь следы другого. Здесь доминирует внутреннее, т.е. существует, по крайней мере, два типа социальности: в одном случае — коллектив, в другом — собор, в первом — право, во втором — мораль. В обществе внешнее стоит над внутренним, в общине — внутреннее над внешним. В гражданском обществе рационализируется зависимость от внешнего мира. И это право. В общине реализуется независимость от внешнего мира. И это мораль, т.е. мораль и есть то, что делает нас независимыми от внешнего мира. Европа выбрала первое, Россия — второе (вообще-то лучше бы она не выбирала, но она выбрала, и теперь уже с этим ничего поделать нельзя). И вот эта неотвратимость кодируется в русском устроение разными загадочными словами. Например, соборностью. Правда, для того, чтобы она, соборность, была, нужна любовь, внутри которой возможно свободное единение многих, т.е. любовь — это не психологическое состояние, а структура бытия русских.

ИГУМЕН КИРИЛЛ (САХАРОВ) ИЗБРАН ДУХОВНИКОМ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ "ОФИЦЕРЫ РОССИИ"

Избрание состоялось 22 февраля с.г. на собрании актива организации после совершения игуменом Кириллом освящения главного офиса Общероссийской общественной организации (ООО) "Офицеры России". Эта организация была учреждена в 1995 году, а зарегистрирована в 1996 г. Председателем организации является полковник Н.В. Соболев, а один из его заместителей — член общины церкви Святителя Николы на Берсеневке полковник авиации Жмак П.П.

Региональные отделения ООО "Офицеры России" имеются во всех федеральных округах Российской Федерации. Одним из главных направлений деятельности организации является реализация программы "Достойное жилье" для увольняемых офицеров и членов их семей. Игумен Кирилл (Сахаров) был награжден почетным знаком ООО "Офицеры России".